

Бутова Анна Владимировна, Дубских Ангелина Ивановна
НЕСИМВОЛИСТСКАЯ ВСЕЛЕННАЯ Н. А. ЗАБОЛОЦКОГО

В статье рассматривается художественная вселенная Николая Заболоцкого. Авторы исследуют поэтические искания Заболоцкого в контексте художественной практики модернизма и, прежде всего, символизма. В частности, анализируется одна из немногих теоретических работ поэта "О сущности символизма", а также произведения из дебютного сборника Заболоцкого "Столбцы". Несмотря на расхождения во взглядах по многим вопросам, следует признать, что символистское наследие явилось для поэта необходимым фундаментом всего его творчества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(57): в 2-х ч. Ч. 1. С. 15-17. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**INTERTEXTUAL RELATIONS OF MUSICAL MOTIVES
IN THE STORY BY V. V. NABOKOV "MUSIC"****Afnas'ev Oleg Igorevich***North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov
yasha64@bk.ru*

The article aims to study intertextual relations of musical motives in the story by V. V. Nabokov "Music". Linguistic analysis of musical motives in the story allows identifying their ideological and artistic function, explicating the deeper meaning of the story, interpreting "the effect of frustrated expectation". Writing his story V. V. Nabokov followed the influential model developed by L. N. Tolstoy and A. P. Chekhov, having in mind to dispute with his great predecessors through its renewal and transformation and thus to express adequately his artistic position.

Key words and phrases: intertextuality; allusion; reminiscence; irony; historical and cultural memory; music of emotions; intertextual solidarity.

УДК 821.161.1

В статье рассматривается художественная вселенная Николая Заболоцкого. Авторы исследуют поэтические искания Заболоцкого в контексте художественной практики модернизма и, прежде всего, символизма. В частности, анализируется одна из немногих теоретических работ поэта «О сущности символизма», а также произведения из дебютного сборника Заболоцкого «Столбцы». Несмотря на расхождения во взглядах по многим вопросам, следует признать, что символистское наследие явилось для поэта необходимым фундаментом всего его творчества.

Ключевые слова и фразы: символизм; музыка; восприятие мира; реальность; вещественность мира; искусство; символистская отстраненность.

Бутова Анна Владимировна**Дубских Ангелина Ивановна**, к. филол. н.*Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова
annb.79@mail.ru; lina_masu@mail.ru***НЕСИМВОЛИСТСКАЯ ВСЕЛЕННАЯ Н. А. ЗАБОЛОЦКОГО**

Поэтическая вселенная Николая Заболоцкого, будучи соотносима с классической русской и советской литературной системой координат, в первую очередь тесно, на генетическом уровне, связана с культурной эпохой первой трети XX века во всем ее многообразии. Это обусловлено «пограничной поэтикой» Заболоцкого, которая одновременно и роднилась с различными художественными школами и течениями, и явно от них отличалась своей экспериментаторской индивидуальностью.

Разумеется, без наследования в той или иной мере ключевых для своего поэтического становления художественных систем Заболоцкий не смог бы обойтись, поэтому рассматривать его поэтические искания вне контекста художественной практики модернизма и, прежде всего, символизма означало бы не понять того нового в его творчестве, что и позволило ему столь решительно и смело заявить о своих «надгрупповых» поэтических интересах и превратиться в «поэта с действительно новым видением мира» [9, с. 613].

Любой художник, живший и творивший в первые десятилетия прошлого века, так или иначе, пересекался с символизмом, впитывая его идеи, или пытался от них оттолкнуться, чтобы создать что-то новое, а главное, непохожее. Ярким примером тому стало творчество Николая Заболоцкого.

Поэт еще с ранней юности не только хорошо знал мировую литературу символистской направленности, но и имел собственную концепцию символизма, об этом свидетельствует статья «О сущности символизма», опубликованная в студенческом журнале «Мысль» [5, с. 515-520]. В своем произведении поэт характеризует символизм, прежде всего, не как литературное направление, а как систему мировосприятия, мироощущения. Главным достоинством символистов Заболоцкий признает стремление проникнуть в скрытую суть вещей, понять не являющиеся очевидными взаимосвязи, в отличие от пассивной позиции реалистов быть «простыми наблюдателями очевидной простоты» [Там же, с. 516]. Однако Заболоцкий далек от того, чтобы идеализировать позицию символистов, указывая на ее недостатки. Заболоцкий критиковал отстранение символистов от событий и явлений окружающего мира и стремление создавать свои собственные изолированные миры.

Восприятие искусства как истинного способа познания было свойственно как символистам, так и Заболоцкому. Согласившись с символистами относительно познавательной функции искусства, Заболоцкий, однако же, разошелся с ними во взглядах на то, что должно лежать в основе познания. Автор «Столбцов» был склонен считать, что в основе познания должна лежать именно мысль, тогда как поэты-символисты утверждали высшим и единственным назначением искусства – быть «постижением мира иными, не рассудочными путями» [3, с. 62].

Расхождение Заболоцкого с символистами особенно ярко наблюдается в разрешении темы музыки. Представление поэта о музыке было своеобразным и не укладывалось в привычные рамки. Для поэтов символизма музыка являлась вершиной искусства: «Музыка идеально выражает символ. Символ поэтому всегда музыкален. Дух музыки – показатель перевала сознания» [1, с. 69], – отмечал Андрей Белый. Очень близкими к высказыванию А. Белого являются размышления о музыке А. Блока: «Музыка творит мир. Она есть духовное тело мира. <...> Музыка потому самое совершенное из искусств, что она наиболее выражает и отражает замысел Зодчего» [2, с. 458]. Заболоцкий был не согласен с подобными определениями музыки. По его мнению, будущее «принадлежит поэтам с острым зрением» [10, с. 116], о чем позже он напишет в стихотворении «Портрет»: *«Любите живопись, поэты! / Лишь ей, единственной, дано / Души изменчивой приметы / Переносить на полотно»* [5, с. 254]. Для символистов музыка являлась не просто вершиной искусства, но и «мостом» от «ближнего мира – феноменального к дальнему – ноуменальному» [7, с. 151], она отождествлялась с космическим бытием и осмыслялась как универсальный символ – «дух музыки». По словам Т. В. Игошевой, «в творчестве Блока важным оказывается понятие “мирового оркестра”, символизирующее особое диалектическое взаимоотношение личности и мирового движения [6]. Говоря обобщенно, музыка, в понимании символистов, – это творческое начало, сущность всякого явления, способствующего возникновению мирового синтеза. Заболоцкий же подходит к ней с прямо противоположных позиций, подвергая ее аналитическому разъятию» [Там же, с. 18]. Наиболее показательно в этом отношении стихотворение «Бродячие музыканты». В этом произведении Заболоцкий не просто превращает духовой музыкальный инструмент в «змея», но и выписывает каждый звук, исходящий из этого «медного локона»: *«а змей в колодце среди окон / развился вдруг как медный локон, / взметнулся вверх тупым жерлом / и вдруг завыл... Глухим орлом / был первый звук. Он, грохнув, пал; / за ним второй орел предстал; / орлы в кукушек превращались, / кукушки в точки уменьшались, / и точки, горло сжав в комок, / упали в окна всех домов»* [5, с. 365].

С точки зрения «обыденного» сознания музыка – это искусство, которое невозможно изобразить на бумаге, разложить по формуле, увидеть глазами, потрогать руками. Но Заболоцкий в стихотворении «Бродячие музыканты» полностью переворачивает это представление. Каждый звук мы не только видим, но и можем прикоснуться к нему. Движение мелодии здесь передано с помощью слов, не относящихся никоим образом к музыке как таковой: «первый орел» – «второй орел» – «кукушки» – «точки». Поэт разбивает цельность исполняемой музыкальной композиции на составные части. В конце концов музыка предстает перед глазами читателя рационально рассчитанной «системой»: *«Система тронулась в порядке, / качались знаки вымысла...»* [Там же, с. 366].

Однако Заболоцкий раскладывает на отдельные части не только музыку, но и весь окружающий мир. И «Столбцы» Заболоцкого во многом являются результатом аналитически исследующего сознания. Это приводит к тому, что реальный мир в его поэзии, подобно земному миру символистов, превращается в настоящий хаос, в котором даже самые безобидные, на первый взгляд, вещи и события вдруг становятся странными и уродливыми. Так, например, свадьба в одноименном произведении Заболоцкого выглядит не как праздник жизни, а как вакханалия, на которой «прямые лысые мужья», «мясистых баб большая стая» и «жених, приделанный к невесте» заняты поеданием цыпленка, который «тельце сонное сложил в фаянсовый столовый гробик» [Там же, с. 49-50].

Между тем, каким бы уродливым и странным ни выглядел мир Заболоцкого, поэт не стремится покинуть его или создать взамен новый «мир мечты». Ему чуждо настойчивое желание символистов уйти из реальности в область сотворения своих собственных миров. Более того, если у символистов несовершенство мира земного было изначально задано как основополагающая причина, чтобы отречься от него и отыскать «нездешний» мир, то Заболоцкий целенаправленно создает хаос и дисгармонию объективной реальности, чтобы разбить привычное представление читателя о действительности. Когда мы, например, читаем стихотворение «Вечерний бар»: *«Глаза упали, точно гири, / Бокал разбили, вышла ночь, / И жирные автомобили, / Схватив под мышки Пикадилли, / Легко откатывали прочь»* [Там же, с. 33], – то понимаем, что на самом деле речь идет не о каких-то отрицательных переменах в устройстве мира, а лишь об изменениях в его восприятии.

Отметим также и крайний материализм «Столбцов». Вещественность и осязаемость в принципе не были свойственны символистскому творчеству. По существу, материальность образа была им ни к чему, поскольку их взор был всегда направлен в область трансцендентного. Отсюда стремление к «развещественности», к размытости. Заболоцкий, напротив, осознанно сгущал тяжесть, форму и цвет предмета, чтобы добиться «архитектурности», «рельефности».

Кроме того, Заболоцкий не принимал излишнего субъективизма символизма, замкнутости на творении сугубо индивидуалистических миров: «Душа символиста – всегда в стремлении к таинственному миру объектов, в отрицании ценности непосредственно воспринимаемого, в ненависти к “фотографированию быта”. Она видит жизнь всегда через призму искусства» [Там же, с. 517].

Таким образом, при всей очевидности проводимых параллелей, подтвержденных теоретическими и публицистическими текстами поэта, творческой манере Заболоцкого не свойственна символистская отстраненность, оторванность от реальности. Не случайно сам поэт подчеркивал («Незрелость») свое несогласие с философско-эстетическими платформами символизма, однако художественная практика показывает чрезмерную категоричность поэта, настаивавшего (не в последнюю очередь и по честолюбивым причинам) на своей независимости от вышеупомянутых опытов.

Список литературы

1. **Белый А.** Символизм как миропонимание / сост., вступит. ст. и прим. Л. А. Сугай. М.: Республика, 1994. 528 с.
2. **Блок А.** Из дневников и записных книжек // Блок А. Избранное. М.: Панорама, 1995. 560 с.
3. **Брюсов В.** Ключи тайн // Поэтические течения в русской литературе конца XIX – начала XX века: литературные манифесты и художественная практика: хрестоматия. М.: Высшая школа, 1988. 371 с.
4. **Бутова А. В., Дубских А. И.** Отражение идей «русского космизма» в поэтическом дискурсе Н. А. Заболоцкого // Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития. 2014. Т. 20. № 3. С. 80-84.
5. **Заболоцкий Н.** Собр. соч.: в 3-х т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 1. 655 с.
6. **Игошева Т. В.** Проблемы творческой эволюции Н. А. Заболоцкого: учебное пособие. Новгород, 1999. 120 с.
7. **История русской литературы: XX век: Серебряный век** / под ред. Ж. Нива, И. Сермана и др. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Литера», 1995. 704 с.
8. **Литература и лингвистика: прошлое, настоящее, будущее:** монография / авт. кол.: С. А. Кошарная, З. Н. Афинская, А. В. Бутова, А. И. Дубских и др. Одесса: КУПИРИЕНКО СВ, 2015. 220 с.
9. **Семенова С.** Человек, природа, бессмертие в поэзии Николая Заболоцкого // Н. А. Заболоцкий: pro et contra. СПб.: РХГА, 2010. С. 612-631.
10. **Чуковский Н.** Встречи с Заболоцким // Воспоминания о Заболоцком. М.: Советский писатель, 1977. 352 с.

UNSYMBOLIC UNIVERSE OF N. A. ZABOLOTSKY

Butova Anna Vladimirovna

Dubskikh Angelina Ivanovna, Ph. D. in Philology

Nosov Magnitogorsk State Technical University

annb.79@mail.ru; lina_masu@mail.ru

The article examines the literary Universe of Nikolay Zabolotsky. The authors study poetic searches by Zabolotsky in the context of the literary practice of modernism and, primarily, symbolism. In particular, one of a few theoretical works of the poet “On the Essence of Symbolism”, and also works from the debut collection of Zabolotsky “Columns” are analyzed. In spite of differences in opinions on many issues, it should be recognized that the symbolic heritage was a necessary fundament for all creative work of the poet.

Key words and phrases: symbolism; music; world perception; reality; materiality of the world; art; symbolic detachment.

УДК 398.22; 801.81

В статье рассматриваются функции главных персонажей самозаписи якутского олонхо «Кыыс Ньургустай Куо». Эпические персонажи в этом олонхо можно разделить на главные и второстепенные на основе степени участия в развитии сюжета. Функции основных персонажей выявляются из тех ролей, которые они выполняют в сюжете олонхо. Главная функция женщины-богатырки это защита племени айыы и устройство личной жизни, функция мифологических персонажей – определение судьбы главной героини.

Ключевые слова и фразы: эпос; самозапись; сюжетосложение; эпические персонажи; функции.

Данилова Анна Николаевна, к. филол. н.

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН
danilova.aanchyk@yandex.ru*

**ФУНКЦИИ ГЛАВНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ В САМОЗАПИСИ ЯКУТСКОГО ОЛОНХО
«КЫЫС НЬУРГУСТАЙ КУО» П. Г. РОМАНОВА-МЫЛААНЫСКОЙ**

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-04-00381
«Рукописи самозаписей олонхо: опыт научного описания и исследования».*

В фольклоре якутов одним из крупных жанров является эпос олонхо, который как уникальное творение народа саха сохранил на протяжении многих веков традиционные черты изображения эпических персонажей.

Впервые в якутской фольклористике эпические персонажи были охарактеризованы и систематизированы в работе видного ученого И. В. Пухова «Якутский героический эпос. Основные образы» [8]. Он разделил эпические персонажи по пяти группам: 1) главный герой; 2) богатыри айыы; 3) женщины – героини олонхо; 4) противники героя; 5) рабы.

Далее эта проблема была затронута фольклористом Г. У. Эргис в монографии «Очерки по якутскому фольклору» [11]. В ней персонажи олонхо были разделены на следующие группы: 1) главный герой; 2) образы врагов племени айыы; 3) образ таёжного богатыря; 4) женские образы; 5) другие образы (образы родоначальников, рабов – Сорук Боллур, Симэхсин эмээхсин, отрицательные персонажи из племени айыы). Здесь исследователь, в отличие от предыдущего автора, выделил отдельно образ таежного богатыря по локальному признаку, а других персонажей распределил по отношению к главному герою.